Liederabend LXX

Songs from Russia and Ukraine

Coached by Joel Ayau

Wednesday, February 14, 2024
6:00 p.m.
Williams Hall

PROGRAM

Mykola Lysenko
(1842–1912)

A Piper's Tune (Утоптала стежечку)
Heavenly Love (В небі високім)
Nothing, Simply Nothing (Нічого, нічого)
Never to Have Loved (Не тополю високую)

Xijin Chen, soprano
Rafe Schaberg, piano

Vasyl Barvinsky
(1888–1963)

Lullaby (Колисанка)
In the Forest (В лісі)
Oh Hush-a-bye, My Baby
(Ой люлі, люлі, моя дитинко)

Alexandra Wiebe, soprano
Sujin Choi, piano

Sergei Rachmaninoff (1873–1943)

14 Songs, op. 34

I. The Muse (Муза)
Xijin Chen, soprano

II. In the Soul of Each of Us (В душе у каждого из нас)
Nicholas Ottersberg Enriquez, baritone

III. The Storm (Буря)
Olga Melendez Valdes, soprano

IV. The Migrant Wind (Ветер перелётный)
Olga Melendez Valdes, soprano

V. Arion (Арион)
Alexandra Wiebe, soprano

VI. The Raising of Lazarus (Воскрешение Лазаря)
Anneke Stern, mezzo-soprano

VII. It Cannot Be! (Не может быть!)
Josie Larsen, soprano

VIII. Music (Музыка)
Olga Melendez Valdes, soprano

IX. You Knew Him (Ты знал его)
Nicholas Ottersberg Enriquez, baritone

X. I Remember that Day (Сей день я помню)
Josie Larsen, soprano

XI. The Faithful Servant (Оброчник)
Anneke Stern, mezzo-soprano

XII. What Happiness (Какое счастье)
Alexandra Wiebe, soprano

XIII. Dissonance (Диссонанс)
Josie Larsen, soprano

XIV. Vocalise (Вокализ)
Xijin Chen, soprano

Jamie Lorusso, piano

Special thanks to Yelena Dudochkin, Diana Nalyvaiko, Cameron Stowe, and Jonathan Feldman for additional coaching.

Upcoming Liederabend and Sonata Night concerts

Liederabend LXXI
Tanya Blaich and Cameron Stowe, directors
Wednesday, March 13, 2024 at 6:00 p.m., Williams Hall

Sonata Night 50
Music for Cello and Piano
a collaboration with the studio of Yeesun Kim
Thursday, March 14, 2024 at 6:30 p.m., Burnes Hall

Liederabend LXXII
Tanya Blaich and Cameron Stowe, directors
Wednesday, April 17, 2024 at 6:00 p.m., Williams Hall

Sonata Night 51
Thursday, April 18, 2024 at 6:30 p.m., Burnes Hall

Утоптала стежечку

Утоптала стежечку через яр,
Через гору, серденько, на базар.

Продавала бублики Козакам,
Вторгувала, серденько, п'ятака.

Я два шаги, два шаги пропила,
За копійку дудника найняла.

Заграй мені, дуднику, на дуду,
Нехай своє лишенько забуду.

Отака я дівчина, така я!
Сватай мене, серденько, вийду я!

Taras Shevchenko

A Piper's Tune

I trampled a path across the ravine,
Across the hill, dear heart, to the bazaar.

I sold dough-rings to Cossacks,
And traded them, o dear heart, for five coins.

I drank two coins away, two coins,
And for one kopeck hired a piper.

Play for me, piper, on your pipe!
May I forget my misfortune!

Such a girl am I!
Court me, dear heart, and I will marry!

Translation by Joel Ayau

В небі високім

В небі високім, в блакитнім просторі
Зірка до зірки зорить,
Сяють промінням закохані зорі,
вічність їм лине за мить.
Ділить їх простір безмежна, безкрайя,
Інша судилась їм путь;
Їм не діждати жаданого раю,
Різно в блакиті пливуть.
В світі холоднім, порожнім, байдужім
Серце до серця зорить,
З серця палають під полум'ям дужим,
Вічністю лине їм мить.
Ділить їх прорва, безодня безмежна,
Ваблять їх інші мети,
Кличе далеко їх доля безтежна...
В світі їм поруч не йти.

Author unknown

Heavenly Love

In high sky, in azure space,
Star shines to star,
The enamored stars shine with rays
For them, eternity flies in an instant.
Limitless, boundless space divides them,
They were fated for different paths;
Separately they float in the azure.
In a cold, empty, and uncaring world
Heart shines to heart,
Hearts blaze to each other in flames
A moment beckons to them with eternity.
They are separated by an endless chasm, an abyss
Other goals entice them,
An unknown fate calls them far away,
In this world, they will not travel together.

Translation by Joel Ayau

Нічого, нічого

Нічого, нічого!
Ні цвіту буйного,
Ні проміння сонця,
Ні усміху з неба,
Ні сна чарівного,
Нічого, нічого
Не треба!

Несила, несила...
Бо рученька мила
Влила в моє серце отрути,
Мій рай оганьбила...
Несила, несила забути!

Mykola Voronyi

Nothing, Simply Nothing

Nothing, nothing!
No lush bloom,
No ray of sun,
No smile from heaven,
No enchanting dream,
Nothing, nothing
Is needed!

I have no strength, no strength…
Because a lovely hand
Has poured poison into my heart,
And stained my paradise…
I have no strength, no strength to forget!

Translation by Joel Ayau

Не тополю високую

Не тополю високую
Вітер нагинає,
Дівчинонька одинока
Долю зневажає.
— Бодай тобі, доле,
У морі втопитись,
Що не даєш мені й досі
Ні з ким полюбитись.
Як дівчата цілуються,
Як їх обнімають,
І що тоді їм діється —
Я й досі не знаю...
І не знатиму. Ой, мамо!
Страшно дівувати,
Увесь вік свій дівувати,
Ні з ким не кохатись.

Taras Shevchenko

Never to Have Loved

No, that's not a tall poplar tree
Bending in the wind;
It's a solitary girl
Cursing her destiny.
– Oh, wicked fate,
May you drown in the sea!
You don't allow me, even now,
To fall in love with anyone!
How girls kiss,
How they are embraced,
And what happens to them afterwards…
Even now I do not know these things!
And will never know them. Oh, mother!
It's terrible to be a maiden,
To spend all my years as an old maid,
And not to love anyone.

Translation by Joel Ayau

Колисанка

Як любовно, невимовно
До колиски сипле блиски
Місяць легко затуманений!
Мов червонці, на віконці,
На узорі сяють зорі,
Бісер сиплючи розпалений.

Lullaby

How full of love, unspeakably
The misty, foggy moon
Pours sparks into the cradle!
Like gold coins on the window,
The stars shine at the horizon,
Pouring forth fiery beads.

Спи, дитятко, янголятко,
Поки тьмою чарівною
Ти од мира одгороджене,
Поки в зорях злотозорих,
Ніби в тайнах світосяйних,
Ти лежиш, мов заворожене.

Hryhory Chuprynka

Sleep, O child, little angel,
While in magical darkness
You are guarded from the world,
While in the glow of golden stars,
Like a mysterious treasure,
You lie, as if enchanted.

Translation by Joel Ayau

В лісі

Як прийде вечірна година
І сумерки стануть в вікні,
Якась позабута картина
В ту хвилю являлась мені...
Малюнок незручний, невправний,
З літами зсірів, полиняв,
Здається не дуже то славний
Той образ маляр малював.
На образі тому ліщина,
Денеде стоїть старий дуб;
Вузенька заросла стежина
Біжить між корчі через зруб...
Осінні вітри поздирали зів'ялі,
Пожовклі листки,
Останні квітки повсихали,
Згубились останні сліди...
Чого в тім лісі шукає дівчина,
Як осінь, сумна?...
За хмарами сонце сідає,
Довкола спокій, тишина.

Bohdan Lepky

In the Forest

When the evening hour came
And twilight appeared at the window,
Some forgotten picture
Appeared to me in that moment…
A drawing, awkward, unskilled,
Faded and grayed from the passing of time,
Probably not well known,
The image painted by a painter.
In the painting is a hazelnut tree,
Here and there stands an old oak;
A narrow overgrown path
Runs between the bushes by felled trees.
The autumn winds have torn off
Wilted, yellowed leaves.
The last flowers have shriveled,
The traces were lost…
What is it that the girl seeks in the forest,
Like autumn, sad?...
Behind the clouds, the sun sets,
All around is tranquility, silence.

Translation by Joel Ayau

Ой люлі, люлі, моя дитинко

Ой люлі, люлі, моя дитино,
Вдень і вночі.
Підеш, мій сину, по Україні,
Нас кленучи.
Сину мій, сину, не клени тата,
Не пом'яни.
Мене, прокляту, я твоя мати,
Мене клени.
Мене не стане, не йди меж люди,
Іди ти в гай;
Гай не спитає й бачить не буде,
Там і гуляй.
Найдеш у гаї тую калину,
То й пригорнись,
Бо я любила, моя дитино,
Її колись.
Як підеш в села, у тії хати,

То не журись.
А як побачиш з дітками матір,

То не дивись.

Taras Shevchenko

Oh hush-a-bye, my baby

Oh lully, lullay, my child,
Day and night.
You will go around Ukraine, my son,
Cursing us.
Oh son, my son, do not curse your father,
Don't remember him.
Me, the accursed one, your mother,
Curse me.
When I am no more, don't go among people,
Go into the grove;
The grove will not ask, and will not see,
Go to wander there.
There you will find the cranberry bush,
Draw near to it,
For I loved it, oh my child,
Once in the distant past.
When you go into the villages, into those houses
Do not worry,
And when you see a mother with her children,
Avert your eyes!

Translation by Joel Ayau

Translations by Laurence Richter, used with permission.

Муза

В младенчестве моём она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой, и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами,

И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирныя фригийских пастухов.

С утра до вечера в немой тени дубов

Прилежно я внимал урокам девы тайной;

И радуя меня наградою случайной,

The Muse

Even in early childhood she already loved me
And presented to me a seven-reeded pipe.
She listened with a smile, and little by little,
Along the holes of the hollow reeds,
My untrained fingers began to play trial tunes,
Both grandiose hymns inspired by the gods,
And worldly Phrygian-shepherd songs.

From morning till evening in the silent shade of the oak forest,
I heeded the lessons of the mysterious maid assiduously,
And she, gladdening my heart with occasional rewards,

Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Alexander Pushkin

Having tossed back the curls from her lovely brow,
Would take the pipe from my hands into her own.
The pipe would come alive with her divine breath
And would fill my heart with a holy enchantment.

В душе у каждого из нас

В душе у каждого из нас
Журчит родник своей печали.
Из ближних стран, из дальней дали
Ее приливы пробегали
В заветный миг, в блаженный час
В душе у каждого из нас.

Огнём страстей опалена
Душа не верит упоенью,
Ни мимолетному влеченью,
Ни бесконечному забвенью
Не покоряется она,
Огнём страстей опалена...

Моя любовь - печаль моя,
В ней солнца свет, в ней мрак неволи,
В ней жизнь, в ней крик предсмертной боли,
В ней глубина паденья воли,
В ней путь к вершинам бытия,
Моя печаль - любовь моя!...

Apollon Korinfsky

In the soul of each of us

In the soul of each of us
There murmurs the fount of our melancholy.
From neighboring lands, from distant realms
Its rivulets run past us
At cherished moments, at sanctified hours
In the soul of each of us.

Scorched by the flame of passions
The soul loses faith in ecstasy,
Neither to fleeting attractions,
Nor to eternal oblivion
Will it submit,
Scorched by the flame of passions…

My love and my melancholy are one,
In it dwell both sunlight and the gloom of liberty lost,
In it are both the life-force and the agonized death-moan,
In it are both the depths of lost will,
And the path to the pinnacle of being,
My love and my melancholy are one!...

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами
Когда, бушуя в бурной мгле,

Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;

Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Alexander Pushkin

The Storm

Did you see the maiden on the cliff
Dressed in white, above the waves
While the sea, raging in the tempestuous gloom,
Was at play with the shores,
And the lightning bolts kept making her
Visible in scarlet flashes
And the wind pounded and raced past
Making her shawl flap like wings?
The sea is lovely in the tempestuous gloom
As is the black sky lit by the flashes of lightning;
But believe me: the maiden on the cliff
Is lovelier than the waves, the sky, and the storm.

Ветер перелётный

Ветер перелётный обласкал меня
И шепнул печально: «Ночь сильнее дня».

И закат померкнул. Тучи почернели.

Дрогнули, смутились пасмурные ели.

И над тёмным морем, где крутился вал,
Ветер перелётный зыбью пробежал.
Ночь царила в мире. А меж тем далёко,

За́ морем зажглося огненное око.

Новый распустился в небесах цветок,
Светом возрождённым заблистал Восток.
Ветер изменился, и пахнул мне в очи,
И шепнул с усмешкой: «День сильнее ночи».

Konstantin Balmont

The migrant wind

The migrant wind caressed me
And whispered sadly: “Night is stronger than day.”
And the dusk deepened. The clouds grew dimmer.
The gloomy firs shuddered and grew grimmer.

And over the dark sea, with its lashing waves,
The migrant wind raced past along the swell.
Night reigned in the world. Meanwhile, far away,
Beyond the sea a fiery eye began to burn.

A new flower was unfurled in the heavens,
The East, reborn by light, began to glow.
The breeze changed and wafted into my face,
And whispered with a grin, “Day is stronger than night!”

Арион

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине

На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я - беспечной веры полн, -
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...

Погиб и кормщик и пловец! -
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Alexander Pushkin

Arion

There were many of us in the boat;
Some were tugging at the sails,
Others as a team were dipping
The mighty oars into the deep waters. In the stillness
Our able helmsman leaned over the rudder
And silently guided our massive vessel;
While I - full of confident assurance -
Sang for the oarsmen…Suddenly the cradle
Of the waves was disrupted by a loud, swooping whirlwind…
The helmsmen and oarsmen all perished! -
I alone, the mystical singer,
Was cast onto the shore by the storm,
I go on singing my songs, as before
As I dry my wet robes
In the sunshine beneath the precipice.

Воскрешение Лазаря

О Царь и Бог мой! слово силы
Во время оно Ты сказал,
И сокрушен был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал.

Молю, да слово силы грянет,

Да скажешь "встань!" душе моей,
И мертвая из гроба встанет
И выйдет в свет Твоих лучей!

И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас
Тебе - сиянью Отчей славы,

Тебе - умершему за нас!

Aleksey Khomyakov

The Raising of Lazarus

Oh my God and King, long ago
You but spoke your mighty Word,
And the power of the grave was destroyed,
And Lazarus returned to life and arose from the dead.

I pray that your mighty Word will come again,
That you will say “Arise!” to my soul,
And though dead it will arise from the grave
And emerge into the glow of your light!

And will return to life,
Where its voice in majesty will sing in praise
To you, to the radiant embodiment of your Father’s glory,
To you, who died for us all!

Не может быть!

Не может быть! не может быть!
Она жива!.. сейчас проснется...
Смотрите: хочет говорить,
Откроет очи, улыбнется,
Меня увидевши, поймет,

Что неутешный плач мой значит,
И вдруг с улыбкою шепнет:
«Ведь я жива! О чем он плачет!..»
Но нет! Лежит… тиха, нема, недвижна…

Apollon Maikov

It cannot be!

It cannot be! It cannot be!
She is alive!...She will awake any moment…
Just look: she's about to speak,
To open her eyes and smile,
Catching sight of me, she will at once understand,
The meaning of my heartbroken sobs,
And will smile and whisper:
"But I'm alive! Why is he crying?"
But no! She just lies there…quiet, mute, immobile…

Музыка

И плывут, и растут эти чудные звуки!

Захватила меня их волна…
Поднялась, подняла и неведомой муки,
И блаженства полна…

И божественный лик, на мгновенье,
Неуловимой сверкнув красотой,
Всплыл, как живое виденье
Над этой воздушной, кристальной волной, —
И отразился,
И покачнулся,
Не то улыбнулся…
Не то прослезился…

Yakov Polonsky

Music

These wonderful sounds keep floating past and increasing!
Their wave has seized me…
Rising, it lifts me up,
And conveys inexpressible torment and bliss…
And a divine visage,
Flashing its elusive beauty only for an instant,
Floats into view, like a living apparition
Above this airy, crystalline wave,

Reverberating,
And swaying,
Perhaps with a smile…
Perhaps with a tear…

Ты знал его

Ты знал его в кругу большого света,
То своенравно весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум, -

Таков поэт, и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог;

You knew him

You knew him in the highest social circles,
Now willfully jolly, now forlorn,
Distracted and wild, or full of secret thoughts, -
Such is the poet, whom you, of course, disdained!
Take a look at the moon: all day long, like a scraggy cloud,
It seems to fade out almost completely.

Настала ночь – и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Fyodor Tyutchev

But night falls; and, like a blazing deity,
It shines brightly over the hypnotized grove.

Сей день я помню

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ее.
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как Солнце золотое,
Любви признанье молодое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

Fyodor Tyutchev

I remember that day

That day, I remember, was for me
Like the beginning of a whole new life:
She stood silently before me,
Her bosom heaving.
Her cheeks were as scarlet as the dawn,
Growing ever redder and hotter!
And suddenly, like a golden sunrise,
An ardent admission of young love
Burst forth from her heart…
And the entire world was changed for me!

Оброчник

Хоругвь священную подъяв своей десной,

Иду — и тронулась за мной толпа живая,

И потянулись все по просеке лесной,

И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою — и помыслам неведом детский страх:
Пускай на пенье мне ответят воем звери, —

С святыней над челом и песнью на устах,

С трудом, но я дойду до вожделенной двери.

Afanasy Fet

The Faithful Servant

The holy gonfalon held aloft in my right hand,
I set forth; and behind me a procession of people follows,
Extending completely across the forest clearing.
I feel only bliss and pride as I praise in song the holy object.
I sing, and all childish terrors are forgotten.
Let them answer my singing with the howl of the beast, if they will.
With the holy object waving over my head, and with praise on my lips,
I shall overcome all hardships and reach the longed-for portal.

Какое счастье

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река как зеркало и вся блестит звездами,
А там-то голову закинь-ка, да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!
О, называй меня безумным!
Назови, чем хочешь: в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!
Я болен, я влюблён, Но, мучась и любя,

О, слушай! о пойми! я страсти не скрываю,

И я хочу сказать, что я люблю тебя,
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Afanasy Fet

What Happiness

What happiness: it is night, and we are alone.
The whole river is aglow with mirrored stars,
And there - raise your eyes and look -
What a vast void there is above us!
Oh, call me mad then, go ahead!
Whatever you like! At this moment I am not rational,
And I feel such a surge of love in my heart
That I cannot, I will not be silent, I cannot!
I am lovesick, I am in love, but in my torment and adoration -
Oh, listen to me, understand me! I cannot conceal my passion,
And I want simply to say that I love you
That I love and desire you alone!

Диссонанс

Пусть по воле судеб я рассталась с тобой, --
Пусть другой обладает моей красотой!

Из объятий его, из ночной духоты,

Уношусь я далёко на крыльях мечты.
Вижу снова наш старый, запущенный сад:
Отражённый в пруде потухает закат,
Пахнет липовым цветом в прохладе аллей,

За прудом, где-то в роще, урчит соловей...

Я стеклянную дверь отворила -- дрожу --
Я из мрака в таинственный сумрак гляжу --

Чу! там хрустнула ветка -- не ты ли шагнул?!
Встрепенулася птичка -- не ты ли спугнул?!

Я прислушиваюсь, я мучительно жду,
Я на шелест шагов твоих тихо иду --
Холодит мои члены то страсть, то испуг --
Это ты меня за руку взял, милый друг?!

Это ты осторожно так обнял меня,

Dissonance

Never mind that our parting was fated to be,
Never mind that another now has possession of my person.
Away from his embraces, away from the night's sultriness,
I am borne far off on the wings of a dream.
Once again I see you old overgrown garden,
The fading sunset reflected in the pond.
I can smell the linden blossoms along the cool lanes,
And somewhere in a grove beyond the pond, a nightingale sounds forth.
I open the glass door and tremble.
I gaze out of the darkness into the mysterious dusk.
Listen! A branch snapped. Could it be your footstep?
A bird suddenly takes flight. Was it you who startled it?
I listen closely, waiting in suspense.
I slowly walk toward the sound of your steps,
My limbs feel cold, from desire? From fright?
Was it really you who took my hand, my darling?
You who so gingerly embraced me?

Это твой поцелуй -- поцелуй без огня!
С болью в трепетном сердце, с волненьем в крови
Ты не смеешь отдаться безумствам любви, --

И, внимая речам благородным твоим,

Я не смею дать волю влеченьям своим,
И дрожу, и шепчу тебе: милый ты мой!

Пусть владеет он жалкой моей красотой!

Из объятий его, из ночной духоты,

Я опять улетаю на крыльях мечты,
В этот сад, в эту темь, вот на эту скамью,
Где впервые подслушал ты душу мою...
Я душою сливаюсь с твоею душой --
Пусть владеет он жалкой моей красотой!

Yakov Polonsky

Was that passionless kiss I remember yours?
With pain in your timid heart, with misgivings in your blood,
You could not bring yourself to give way to the madness of love.

And, while listening to your noble pronouncements,
I dared not submit to my own desires.
I merely trembled and whispered to you, “My darling!”

Never mind that he has possession of my pathetic person!

Away from his embraces, away from the night’s sultriness,

I am again borne off on the wings of a dream
To that unlit garden, to that very bench
Where I first poured out my soul to you.
My soul is fused with yours forever.
Never mind that he has possession of my pathetic person.

Support the future of music at NEC!
Your gift to The NEC Fund has a direct and immediate impact on student scholarships, NEC's world-class faculty, and a collaborative and innovative learning environment rooted in the highest level of musical excellence.
Please consider making a gift to support NEC at necmusic.edu/give.

Food and drink are not allowed in the concert hall,
and photography and audio or video recording are prohibited.
Assistive listening devices are available for all Jordan Hall concerts;
contact the head usher or house manager on duty or inquire at the Coat Room.
Latecomers will be seated at the discretion of management.

Stay connected

NEC
New England Conservatory

necmusic.edu/tonight